

*Не Твоя
Прислужка*

Ева Вуксен

Осторожно! Слишком горячая история!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Виксен

Не твоя прислужка

<https://litres.ru/74105221>

SelfPub; 2026

Аннотация

Еще вчера она была обычной студенткой архитектурного института, которая переживала лишь из-за финального босса летней сессии - старого профессора - и нелепого шоколадного пятна на блузке. Впереди маячили два месяца абсолютной свободы, пицца с подругами и ледяной мохито. Но у реальности циничное чувство юмора. Один телефонный звонок разбивает мир Саши на куски: её единственная опора, любимая бабушка, оказывается в реанимации после страшного падения. Чтобы оплатить штифты, пластины и спасти самого близкого человека, Саше приходится пойти на сделку с дьяволом - точнее, с его рублёвским управляющим. Она вынуждена занять место бабушки и примерить фартук экономки в роскошном, но насквозь гнилом особняке миллиардеров Лазаревых. Из мира студенческих тусовок Саша попадает на минное поле элитного улья, где прислугу считают людьми второго сорта. Но самое страшное испытание ждет её впереди. Ведь наследник Лазаревых наметил в ней свою жертву. Сможет ли девушка спастись от его любви?

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	4
Пролог	6
Глава 1: Эклер, экзамен, катастрофа.	8
Глава 2: Проблемы зарёванных людей.	25
Глава 3: Ревность, Ксюхин стриптиз и эвакуация Олеси.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ева Виксен

Не твоя прислужка

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

СТРОГО 18+. Книга содержит контент, предназначенный исключительно для совершеннолетних читателей.

Настоящее художественное произведение содержит подробные сцены эротического характера, ненормативную лексику, а также упоминание алкогольной продукции, табачных изделий и иных психоактивных веществ. **Автор напоминает, что употребление алкоголя, табака и любых психоактивных веществ вредит вашему здоровью.** Данные упоминания продиктованы исключительно художественным замыслом, не являются рекламой, романтизацией или пропагандой девиантного поведения и употребления каких-либо веществ.

Все персонажи, имена, фамилии, локации, организации и события в книге являются полностью вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), существующими компаниями, брендами или событиями абсолютно случайны.

Произведение носит исключительно развлекательный ха-

ракти, является художественным вымыслом и не преследует цель оскорбить чьи-либо чувства, взгляды, религиозные или политические убеждения.

Начиная или продолжая чтение данного произведения, вы подтверждаете, что вам исполнилось 18 лет, и вы берете на себя полную ответственность за ознакомление с данным текстовым материалом.

Пролог

Жизнь редко спрашивает нашего мнения, когда решает круто развернуться. Мы можем годами выстраивать планы, расписывать дни в ежедневниках, копить на отпуск или жильё, думая, что полностью контролируем свой маленький предсказуемый мир. Но реальность - штука циничная и с чёрным чувством юмора. Самые глобальные перемены обычно происходят не под фанфары, а из-за одного дурацкого звонка среди ночи или случайно пролитого кофе на важные документы.

А самое дурацкое из всех странностей жизни - это то, как возвращается прошлое. Ты можешь уехать на другой конец мира, сменить номер телефона и заблокировать всех в соц-сетях. Ты думаешь, что закопал воспоминания так глубоко, что до них не доберётся ни один экскаватор. А потом ты стоишь в очереди на кассу в супермаркете, или застреваешь в душевой пробке на МКАДе, или просто открываешь дверь курьеру - и натыкаешься взглядом на человека, которого надеялся больше никогда не встретить. Прошлое не просто настигает, оно бьёт под дых в самый неподходящий момент, когда ты меньше всего к этому готов.

Нет, ну так-то можно попробовать и убежать от прошлого, если ты хорошо умеешь бегать. А я вот не умею. Точнее, не люблю. Не люблю бегать, но в этот раз я была готова то-

пить и топить подобно марафоновцу, наплевав на одышку и стёртые в кровь пятки. Вот только... бега не случится. Обстоятельства играют против меня и вяжут по рукам и ногам. М-да уж, со связанными ногами далеко не убежишь, но можешь поползти червячком. Ползти, упорно и нелепо, пока тебя не подхватит какая-нибудь хищная птица... или кто-нибудь просто не раздавит тяжёлым ботинком. О чём это я?

Я о том, что порой мы вынуждены столкнуться лицом к лицу с тем, что когда-то отпустили и уже не чаяли видеть, и что нам приходится иметь с этим дело, стоически терпеть, глотая обиду и маскируя дрожащие пальцы.

Привет. Меня зовут Саша, и я хочу рассказать вам о том, как прошлое ворвалось с вертушки в мою жизнь и ушатало знатно, не оставив даже шанса на ответный хук.

Глава 1: Эклер, экзамен, катастрофа.

Если бы меня попросили спроектировать ад, я бы не стала выдумывать котлы с кипящей смолой или чертей с трезубцами. Зачем этот устаревший декор? Я бы просто воссоздала в масштабе один к одному коридор третьего этажа нашего института утром двадцать первого июня. Время - 09:00. Температура воздуха - 32 градуса в тени, но из-за неработающей вентиляции кажется, что все сорок. В воздухе стоит удушливый концентрат из тревожной тревожности всех студентов, сомнительного кофе из автомата, мятной жвачки и ядерной смеси парфюма. И всё это источают тридцать бледных, полубомбочных студентов, пытающихся засунуть в свои несчастные головы три тонны информации по византийским каркасным системам.

Экзамен по истории архитектуры - это финальный босс нашей летней сессии. Чудовище с двумя головами, одна из которых состоит из бесконечных чертежей, разрезов и дат, а вторая - это наш многоуважаемый профессор Аристарх Павлович. Ну, вы уже наверняка догадались по имени, что это может быть за человек? Хотя нет, это как-то грубо... Аристархи же не виноваты, что их тёзка носит их имя, так?

Старику в обед сто лет исполнится, он застал, кажется, ца-

ря Гороха или царя Боба, но при этом сохранил удивительную, поистине юношескую зоркость по части девичьих прелестей. Профессор имел две главные слабости в этой жизни: плавность барочных волют(декоративных завитков) и женские округлости. У-ля-ля! Об этом феномене в институте ходили легенды, передававшиеся из поколения в поколение старшекурсниками. Существовала даже негласная примета: чем короче твоя юбка, тем меньше вероятность, что тебя спросят про шаг колонн в римских термах.

Именно поэтому сегодня в коридоре творился самый настоящий парад путан. Девчонки поголовно вырядились так, будто нас ждала не жёсткая пытка на экзамене, а кастинг в порево-индустрию. Глубокие V-образные вырезы, обтягивающие платья-лапша, в которых дышать можно было только через раз, "плиткодробильные" шпильки и юбки, едва прикрывающие соблазняющие зоны.

Аристарх Павлович сегодня праздновал свой второй день рождения, блин, не иначе... Да, он точно помрёт от счастья! Из приоткрытой двери аудитории было видно, как у старика масляно блестели глаза за толстыми линзами очков, а на губах проступала слюнявая, блаженная улыбка каждый раз, когда к его столу подплывала очередная «жертва наВуки». Я искренне, до тошноты ненавидела эти его прилипчивые, раздевающие взгляды, от которых хотелось пойти и помыться с хозяйственным мылом аж до скрипа. Но закрытие экзамена - штука жестокая. Без четвёрки по истории у меня

бы слетала повышенная стипендия, а без неё наше с бабушкой шаткое финансовое равновесие превращалось в открытую катастрофу... Я отключила свои моральные ориентиры, чтобы пройти через это. Но самое паршивое, что к этой вакханалии я подготовилась хуже всех. Точнее, я так дико спешила, что умудрилась накосячить везде, где физически позволяли законы вселенной.

Моё утро началось в шесть часов в нашей двухкомнатной хрущёвке на окраине города. Это место - памятник советскому индустриальному домостроению серии К-7. Потолки два сорок пять, звукоизоляция такая, что ты точно знаешь, какой сериал смотрят соседи снизу, соседи сверху, соседи сбоку, соседи соседей, соседи из соседних домов... И так далее, и тому подобное...

Бабуля моя, Анна Степановна, как обычно, не спала. Она сидела на кухне, завернувшись в свой старенький байковый халат, и медленно пила цикорий из любимой кружки с отбитой ручкой, которую я ей подарила на день Бабушки лет так десять назад... От этой кружки уже живого места не осталось, и новых я ей надарила, а эта "упрямица берёт и упрямится": не желает отпустить измученную керамику... Что ж, памятные вещи - дороги. А старики - так вообще любители оставлять "красивое" и "хорошие" до особых или лучших времён. На столе перед ней лежал её бессменный спутник - толстый рабочий блокнот в кожаном переплёте, куда она аккуратно, совершенно прекраснейшим почерком записыва-

ла меню, списки покупок и расписание Лазаревых. Бабушка проработала в особняке миллиардеров экономкой больше двадцати пяти лет. Она была той самой редкой породой прислуги, которую хозяева уважают и немного боятся за безупречное достоинство и стальную внутреннюю дисциплину. Ненавижу, кстати, это слово - "прислуга"...

— Сашенька, главное - не волнуйся, — совершенно спокойно сказала она, когда я, взъерошенная и злая на весь мир, влетела на балкон сдирая блузку с сушильной верёвки. — Ты у меня умница. Ты этот собор Святой Софии наизусть знаешь...

— Ба, знать-то я знаю, — пробурчала я, пытаюсь одновременно натянуть колготки и не порвать их об острый угол старого кухонного стола. — Просто Аристарх опять будет смотреть на меня так, будто я сосиска в тесте или коКлета поКиевски... Меня от одного его вида потряхивает.

— Не обращай внимания на глупости старого дурака, — бабушка мягко улыбнулась, и лучики морщинок вокруг её глаз стали глубже. — Допляшется когда-нибудь чёрт плешивый! Одна радость у человека - на девок пялиться! Тьфу! Давай, иди сюда, я тебя чмокну на удачу...

Я была явно не в духе и ни в какие удачи я не верила. Но это был бабулин ритуал: всегда перед важными событиями она "чмокала меня на удачу". Правда, как я заметила, "чмокала" от слова "чмо", потому что многие дела шли у меня сракой об косяк после этого...

— Всё будет хорошо, родная. Сдашь свой последний экзамен, и поедем в августе в санаторий, подлечим мои косточки. Нам Владислав Николаевич как раз премию обещал...

— Давай, бабулечка! Смотри! — Наигранно погрозила я ей пальцем. — Не опоздай на работу-то!

— Ой, да беги ты! Без сопливых разберусь! Егоза! — Засмеялась она.

Я в ответ поцеловала её в сухую щёку, схватила сумку и полетела вниз по ступеням, молясь, чтобы трамвай не встал посреди маршрута из-за вечного ремонта путей на шоссе Энтузиастов. Энтузиастов создавать пробки, блин.

Слава всем богам, до института я уж добралась нормально. А то по закону подлости и опоздать могла.

Уже у дверей аудитории, когда до моей очереди оставалось всего три человека, случился первый крупный тактический провал. Я стояла, прислонившись спиной к прохладной стене, и пыталась судорожно повторить по конспекту даты постройки готических соборов Франции. Рядом Ксюха, моя одногруппница и по совместительству главная модница потока, а ещё моя несносная подружка, нервно грызла колпачок капиллярной ручки.

Вдруг Ксюха замерла, опустила взгляд куда-то в район моих ног, и её идеально покрашенные глаза медленно округлились до размеров пятирублевых монет.

— Саш — шёпотом выдала она, дёргая меня за рукав. —

Скажи мне, это новый писк моды или ты реально в глаза долбилась, когда сегодня собиралась?

— Шо не так? — я оторвалась от конспекта, чувствуя, как внутри зарождается нехорошее предчувствие, а к затылку подступает холодок.

— У тебя карманы на юбке спереди, а шлица и молния - на животе. Ты джинсу задом наперёд натянула, Савельева! Да ещё и на левую сторону!

Я опустила голову. Мать твою за ногу. Плоский синий замок-молния, который должен был благородно покоиться на моей пояснице, сейчас красовался прямо под пупком, аккуратно между двумя накладными карманами, которые топорщились в разные стороны. В утренней спешке я умудрилась надеть джинсовую юбку-трапецию задом наперёд, да ещё и шиворот-навыворот!

— Блин, Ксюх, что делать? — я панически заметалась глазами по душному коридору, я должна пройти следующая в считанные минуты или даже секунды. — Мне заходить сейчас! Если я пойду в туалет переодеваться, Аристарх вызовет следующего по списку, и я гарантированно пойду на допсу теперь...

И вот знаете, за что я обожаю свою подружку? За её мегамозг, который в стрессовых ситуациях выдаёт гениальные решения со скоростью квантового компьютера!

— Я ща! — Ксюха сорвалась с места, расталкивая локтями братьев наших студентов, и припустила в сторону гарде-

роба.

Оттуда она вернулась ровно через пятнадцать секунд, на ходу расправляя свой лёгкий летний оверсайз-плащ. Остановившись прямо передо мной, она резким движением раздвинула его полы в стороны, став похожей то ли на графа Дракулу перед атакой, то ли на классического извращенца-эксгибициониста в городском парке.

— Давай! — благородно скомандовала женщина-щит, закрывая меня своей спиной от остального коридора.

— Господи! — я выпучила глаза, на секунду растерявшись от масштаба катастрофы.

Однокурсники вокруг, естественно, тут же зашептались, начали откровенно пялиться в нашу сторону и лыбиться, предвкушая бесплатное представление. Но Ксюха стояла на смерть, то есть на совесть... Никто ж не умер... Хотя я старалась помереть от стыда изо всех сил... Под этим тканевым куполом, путаясь в собственных ногах, я за секунду расстегнула пуговицу, исполнила какой-то дикий кульбит бёдрами, сняла джинсу, надела в этот раз на "правильную сторону" и рванула молнию уже на пояснице, прищемив колготки! Благо, никто из парней не увидел моих труселей с принтом в виде уставших авокадо. Косяк был исправлен на чистом адреналине. Копронкам - точно звездеч.

Чтобы хоть как-то заглушить панический, предсмертный мандраж, который уже начинал противно покалывать кончики пальцев, я полезла в сумку. Там, завернутый в перга-

ментную бумагу, лежал мой запас глюкозы - огромный, истекающий жирной шоколадной глазурью эклер, купленный на остановке. Да, это опасная покупка. И я опасная женщина. Я рискую по-крупному и покупаю пирожки на вокзале и эклеры в ларьке. Ну ладно, ладно... Не покупаю я пирожки на вокзалах... Просто в минуты дичайшей паники мне позарез надо закинуться сахарком... Да знаю я, что заедать стресс вредно, но сейчас моему мозгу требовалось топливо, иначе я бы просто забыла, чем отличается ионический ордер от до-рического.

Я дрожащими пальцами развернула бумагу, сделала один большой, поспешный укус. И в этот момент изнемогающее от июньской жары кондитерское изделие решило меня обгадить. Внутреннее давление заварного крема оказалось критическим. С противоположного его конца сочным шлепком вырвался приличный кусок тёмной шоколадной глазури. Он пролетел по идеальной параболической траектории и приземлился аккурат на мою белоснежную хлопковую блузку. Ровно посередине. Там, где ткань сильнее всего натягивалась на моей груди.

Надо сказать, что природа, обделила меня финансами и покладистым характером... ой да чего уж там! И извилинами она меня тоже обделила! Но в плане фигуры решила компенсировать все упущения по полной программе. Под тонким белым хлопком блузки вполне недвусмысленно и аппетитно выпирали формы, которые Олеська (моя вторая по-

дружка) ласково называла «аппетитками». И вот теперь на самом пике этой выдающейся формы красовалось жирное, глянцевое шоколадное пятно размером с пятирублевую монету, которое было похоже вовсе не на шоколад. Смекаете?

— Твою же дивизию — прошипела я, едва не плача от злости.

— М-да... — Ксюша ещё больше вытаращила глаза и как заржала носом на весь коридор.

— Ну, спасибо, подруга...

Я выхватила из кармана сухую бумажную салфетку и попыталась оттереть шоколад. Это было второй ошибкой. Вместо того чтобы аккуратно снять глазурь, я размазала её по волокнам ткани. Через секунду на блузке красовался живописный, грязновато-коричневый развод в лучших традициях экспрессионизма.

— Сашка, заходи, Аристарх уже звереет! Из-за тебя очередь встала! — Олеся высунулась из аудитории и буквально силой ухватила меня за руку, затаскивая внутрь.

— Ёкарный бабай!

Следующие двадцать минут я провела в состоянии, которое в медицине, наверное, называется предсмертным шоком, а в архитектурном - обычной сдачей сессии.

В аудитории пахло невыносимой пылью и дедовским тестостероном. Благо окно открыто, через которое залетали весёлые пушинки. Сам Аристарх Павлович сидел, откинувшись на спинку кресла, и лениво обмахивался зачётной

книжкой какого-то несчастного студента, выкатившегося из кабинета перед моим заходом.

— А-а, Александра — протянул он. — Ну-с! Краса до пояса! Что у вас там за билет? Давайте, ко мне!

Сказал как будто я ему собачонка... Я опустила билет на зелёное сукно стола. Пальцы скользили по бумаге.

— Билет номер четырнадцать. Готические каркасные системы Франции. Собор в Шартре и Нотр-Дам в Амьене. Второй вопрос - византийская крестово-купольная система.

— Прекрасная тема, — профессор подался вперёд, опираясь локтями о стол.

И тут его взгляд, совершив дежурный манёвр от моей зачётки вверх, намертво зафиксировался на моей груди. Точнее, на том самом шоколадном пятне, которое на белом хлопке смотрелось как мишень на полигоне. Старик замер. Его кустистые седые брови медленно поползли вверх, а за толстыми стёклами очков зажглись нехорошие огоньки. Он уставился на этот кофейный развод с таким глубоким, искренним интересом, словно там был сам ящик Пандоры, блин.

Я почувствовала, как к щекам приливает густая, душная краска. Мне хотелось прикрыться сумкой, провалиться сквозь пол прямо в подвал института или просто съездить ему по лысине тяжёлым томом «Всеобщей истории искусств», который лежал на краю стола.

— Ну-с, Александра — проскрипел он, шумно втягивая

носом воздух. На его нижней губе проступила тонкая, слюнявая полоска, которую он тут же слизнул. И тут я представила, как он представил, как он облизывает мою грудь и чуть не завизжала от ужаса. Это будет мне в кошмарах сниться, точно вам говорю! — Расскажите-ка мне, душенька, за счёт каких именно конструктивных элементов готическим зодчим удалось разгрузить стены и перенести всю тяжесть сводов на внутренние опоры? Что там у нас хм выступает в качестве главного несущего каркаса?

— Главным элементом является система, состоящая из аркбутанов и контрфорсов, — начала я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально жёстко, сухо и профессионально, без этой рабской, заискивающей дрожи, которую такие старые козлы обычно принимают за кокетство. — Аркбутан — это наружная полуарка, которая передаёт давление горизонтального распора свода на внешние столбы-устои, то есть контрфорсы. Это позволило освободить стены от нагрузки, сделать их тонкими и прорезать огромными окнами с витражами.

— Замечательно, замечательно — бормотал старик, но его глаза при этом совершали ритмичные колебательные движения: от моего лица к шоколадному пятну и обратно. — А как насчёт нервюр? Какова их роль в хм формообразовании пространства и распределении нагрузок? Какая, так сказать, глубинная физиология у этого процесса? Вы так живописно об этом рассказываете. И композиция у вас сегодня

весьма оригинальная. Смелая, я бы сказал, композиция.

Он откровенно облизывался. Каждое его слово сочилось похотью, от которой внутри меня всё сжималось в один узел ярости. Я видела, как его старая, покрытая пигментными пятнами рука вертит в пальцах ручку, и эта ручка двигалась в такт его мыслям. Я заставляла себя смотреть строго в окно, где на ветке старого тополя сидел сонный, взъерошенный голубь. Думай об архитектуре, Савельева. Думай о камнях. Камни холодные. Камни не умеют смотреть на тебя так, словно хотят сожрать прямо здесь...

Я отгарабанила второй вопрос про Византию на одном дыхании, без единой запинки, выдав ему все геометрические параметры купола Софии, включая диаметр в тридцать один метр и сорок окон в основании, создающих эффект «светового кольца».

Аристарх Павлович вздохнул. Было видно, что отпускать меня ему искренне не хотелось, праздник визуальной антропологии подходил к концу.

— Что ж, Александра — проскрипел он, выводя в моей зачётке размашистую, витиеватую закорючку. — Ответ, признаться, на троечку. Немного сухо, не хватает эмпатии к материалу. Нет ощущения эпохи. Но за хм, архитектурную выразительность, смелость вашей сегодняшней презентации и выдающиеся формы композиции - пускай будет четыре. Отдыхайте, душенька. Отдыхайте.

Я выкатилась из аудитории так, словно за мной гналась

стая бродячих собак. Захлопнув дверь, я просто сползла спиной по прохладной стене коридора, наплевав на то, что моя юбка-перевертыш сейчас окончательно соберёт всю институтскую пыль.

Четвёрка! Четыре балла! Стипендия спасена. Мы с бабулей сможем собраться нас в санаторий и даже останется на её лекарства от давления.

Уже через тридцать минут мы с Олеськой и Ксюхой летели вниз по широкой парадной лестнице института, перепрыгивая через две ступени. Стоило нам вывалиться из дверей вестибюля на залитую ослепительным, душным солнцем улицу, как нас просто прорвало. Напряжение последних недель, бессонные ночи, литры энергетиков и этот слюнявый историк - всё это разом вылетело наружу.

Мы запищали в три голоса, заглушая гудки проезжающих по проспекту машин. Ксюха бросила свой тубус прямо на траву, Олеся подхватила меня под руки, и мы запрыгали на асфальте, как сумасшедшие первоклассницы, которым отменили уроки до конца жизни. Это была она - абсолютная свобода. Июнь горел вокруг нас зелёными кронами тополей, солнце пекло макушки, и впереди было целых два месяца жизни, в которой не будет планов, разрезов, осей координат и дедлайнов. Да! Кто здесь мамочка?! А?! Правильно, не я... Я ещё не рожала, но етить-колотить, как хорошо-то!

— Ну что, девчонки? Как насчёт набубениться? — Олеся тяжело дышала, утирая со лба капли пота. Её рыжие кудри

растрепались, и она выглядела абсолютно счастливой. — Берём самую большую пищу, ведро ледяного мохито и празднуем так, чтобы официанты крестились! Саня, ты заслужила, со своим шоколадным декольте!

— Да уж, Сашка, твоя блузка - это хит сезона, — хохотала Ксюха, поднимая с газона свой тубус.

Я тоже смеялась, чувствуя, как внутри наконец-то отпускает этот тугой, ледяной зажим. Я уже полезла в сумку, чтобы вытащить телефон и набрать бабушку - она наверняка извелась там на своей работе и ждала моего звонка.

Но не успела я разблокировать экран, как смартфон зашёлся длинной, требовательной вибрацией. На дисплее высветился незнакомый номер с подмосковным кодом.

Улыбка сошла с моего лица как-то сама собой. Внутри, где-то на самом дне желудка, неприятно ворохнулся червячок предчувствия. И отчего бы? Странно...

— Слушаю? — выдохнула я в трубку, придерживая прыгающую на плече сумку.

— Саша? Это Нуся. Из дома Владислава Николаевича Лазарева — голос сорокалетней сменщицы моей бабушки прозвучал так, будто она только что бежала кросс по болоту. Сухой, прерывистый, со странными, глухими всхлипами на заднем плане, от которых у меня мгновенно поползли мурашки по коже. — Сашенька, беда у нас. Анна Степановна она с лестницы упала. Клининг утром натёр, скользко было, а она Скорая только что уехала, повезли в центральную кли-

ническую. Саш, там, кажется, рука я видела, там кость торчит, она кричала так сильно, Сашенька Её сразу в операционную повезут, наверное

Мир вокруг меня не просто остановился. Он разлетелся на тысячи мелких, острых пикселей, как битая матрица дешёвого экрана. Звуки улицы, смех подруг, гул проезжающих машин, запах цветущих лип и сирени - всё это разом отрезало. Остался только плотный, давящий, вибрирующий шум в ушах, похожий на гул высоковольтного трансформатора.

Я попыталась сделать вдох, но лёгкие просто отказались расширяться, горло словно сдавило невидимой железной рукой. Пальцы на правой руке, державшей телефон, начали стремительно неметь, начиная с мизинца. Холодная испарина выступила на затылке.

Лестница Лазаревых. Двадцать шесть ступеней из тяжёлого, массивного дуба с острыми резными гранями и балясинами. Я слишком хорошо, до мельчайших подробностей помнила эту злосчастную лестницу. Помнила, какая она высокая, крутая и абсолютно беспощадная, если лететь по ней вниз на полной скорости... Бабуля. Моя маленькая, хрупкая бабуля, у которой и так сердце через раз работает после инфаркта, полученного два года назад. Рука. Кость торчит. Наверное, операционная

— Саш? Ты чего? Сашка, на тебе лица нет! Ты белая как мел! — Ксюха больно ухватила меня за локоть, сильно встряхивая. Её смех оборвался на полуслове, на лице проступил

испуг.

Я перевела на неё абсолютно дикий, невидящий взгляд. Телефон в руке дрожал так сильно, что пластиковый корпус стучал о мою серьгу, когда я попыталась что-то сказать.

— Бабушка В больнице. В Одинцово. Она упала с лестницы, — выдавила я через силу, чувствуя, как к горлу подступает горькая, кислая тошнота, а перед глазами плывут тёмные круги. — Мне надо туда. Прямо сейчас. Мне надо бежать

Я развернулась, собираясь бежать в сторону метро сломя голову, даже не соображая, где нахожусь и сколько займет дорога. Голова вообще не соображала. Внутри остался только один сплошной, пульсирующий ужас.

Но девчонки не дали мне сделать и трёх шагов. Олеся железной хваткой вцепилась в ремень моей сумки, дёргая меня назад, а Ксюха уже вызывала такси.

— Куда ты одна в таком состоянии? С ума сошла? Под машину захотела?! — жёстко и зло отрезала Олеся, разворачивая меня к себе лицом и сильно сжимая мои плечи. — Ты чо, блин?! Мы едем с тобой!

— Девочки, не надо, у вас же планы пицца мохито — попыталась выдавить я, но слёзы наконец-то прорвали плотину, и я просто разрыдалась, размазывая тушь по щекам.

— Заткнись, Савельева, — Ксюха с грохотом рванула на себя заднюю дверь затормозившего у обочины жёлтого такси. — Садись, быстро. Никто тебя сейчас не оставит. Двину-

ли, девки!

Мы втиснулись в душный салон машины, и водитель, оценив выражение наших лиц, с пробуксовкой рванул с места, унося меня навстречу прошлому, которое решило забрать меня целиком. Но я этого ещё не знала...

Глава 2: Проблемы зарёванных людей.

Знаете, в чём главная подлянка нашей вселенной? У неё абсолютно извращённое чувство юмора и напрочь отсутствуют тормоза. Ещё сорок минут назад ты была королевой этого мира, прыгала на раскалённом асфальте, орала от счастья дурниной и предвкушала кутёж. А сейчас ты сидишь на заднем сиденье прокуренного «Соляриса», который несёт тебя по шоссе, и чувствуешь себя куском дерьма, который забыли смыть в толчке. Буквально. Потому что на моей блузке всё ещё красовалось то самое шоколадное пятно, напоминающее по форме не то кляксу Роршаха, не то последствия птичьей диареи, а тушь окончательно смешалась со слезами и потекла к подбородку, превращая меня в грустного клоуна.

— Твою мать, шеф, ну поднажми ты! — Ксюха с переднего сиденья едва не выпрыгивала из юбахи, то и дело тыча длинным ухоженным ногтем в экран смартфона, где навигатор горел зловещим бордовым цветом. — Там пробка на переезде! Давай дворами, ну сделай что-нибудь!

Таксист, хмурый кавказец с усами размером с хорошую мохнатую гусеницу, только тяжело вздыхал и крутил баранку своего корыта, которое на каждой кочке дребезжало так, словно у него сейчас отвалятся все четыре колеса разом.

— Э-э, девчонка, куда я поднажму? — ворчал он, косясь на Ксюху. — Выдишь, фура встала? Тут только перепрыгнуть её можно. У меня «Хёндай», а не вертолёт, понимаэш, да?

Рядом со мной на заднем сиденье возилась Олеся. Она упорно пыталась отпоить меня водой.

— На, Санечка, попей. Ну попей, легче станет, — причитала она, вытирая мне щёку влажной салфеткой, от которой разило химозной ромашкой. — Водичка стресс снимает. И дыши правильно... Как нас на психологии учили, помнишь? Носом вдыхай, ртом выдыхай...

— Да пошла она в сраку, эта твоя психология, Лесь — прохрипела я, отгалкивая бутылку.

Но горло пересохло так, будто я три дня жрала сухой цемент. Каждый вдох отзывался внутри тягучей болью. Паника, которая сначала накрыла меня ледяной волной у института, сейчас трансформировалась в какое-то тупое, ватное оцепенение. В голове, сменяя друг друга, крутились картинки из детства.

Дом Лазаревых. Тот самый проклятый особняк на Рублёвке, куда бабушка брала меня с собой, когда меня совершенно не с кем было оставить. Для маленькой Саши Савельевой этот дом казался инопланетным кораблём. Вылизанный до зеркального блеска мрамор, запах дороговизны и цитрусовых освежителей, система «умный дом», которая разговаривала вкрадчивым женским голосом и сама раздвигала што-

ры, когда ты входила в комнату. И идеальный, изумрудный газон, по которому ползал маленький круглый робот-газонокосилка. Я всегда боялась, что он пальцы на ногах оттяпает... Хотя с Игорьком мы частенько до него докапывались, дразнились и убегали с его траектории, когда он ехал на нас. Понятное дело, что он бы не причинил вреда - система безопасности бы не позволила... Но всё же... Было так волнительно.

Правда, не всё было так радужно. Я - маленькая девчонка в растянутой футболке и сандалиях на липучках, которой бабушка строго-настрога запрещала свободно ходить по хозяйским хоромам. *«Сашенька, сиди в комнате отдыха для персонала. Сашенька, не трогай эти игрушки, это Игорева машинка.»* Я - человек второго сорта. Внучка экономки. Я уже тогда, в свои неполные семь лет, кожей ощущала эту невидимую, но железобетонную стену, которая отделяла меня от сытой, чистой жизни Лазаревых. И вот сейчас эта стена снова высилась, грозя похоронить под своими обломками мою единственную опору - бабулю.

До больницы мы дотащились только к половине третьего. Больничный городок встретил нас классическим унынием подмосковного здравоохранения: облупившийся серый клинкер корпусов, разбитый асфальт, на котором лужи не высохали, кажется, с прошлого года, и стойкий, бьющий в нос запах йода и тушёной капусты из столовки.

Я выскочила из такси, даже забыв дожидаться девчонок. Капроновым колготкам, которые я прищемила молнией во

время нашего великого переодевания под плащом, окончательно настал полный и бесповоротный звездец - на левой ноге поползла жирная, уродливая стрелка, обнажая бледную кожу. Но мне было плевать.

В приёмном отделении за невысокой пластиковой стойкой сидела заспанная тётушка в белом халате. На её груди красовался бейдж с гордым именем «Тамара Иванова», а выражение лица транслировало такую вселенскую скорбь и ненависть ко всему живому, что сразу становилось понятно: что бы все мимо проходящие лесом шли и её не трогали.

— Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, где Савельева Анна Степановна?! — я буквально упала на стойку, тяжёло дыша и хватая ртом душный, пропитанный антисептиком воздух. — Её скорая привезла несколько часов назад с переломом руки, наверное! Что с ней?!

Тамара Иванова даже ухом не повела. Она медленно, со скоростью умирающей улитки, перевернула страницу какого-то журнала, лизнула палец и только потом соизволила поднять на меня свои глазки.

— Девушка, вы такая суетная. У меня от вас голова аж разболелась. Фамилия как? Савельева? — она начала лениво возить пальцем по клавишам. — Ну, привезли такую. Ждите в коридоре. Бахилы наденьте, без бахил нельзя. Автомат в углу, пять рублей без сдачи.

— Да какие, к чёрту, бахилы?! — у меня внутри всё вспыхнуло злым, яростным огнём. — Она упала с лестницы!

Где врач?!

— Слышь! Рот закрой, да? Это что за поведение-то такое! Здесь больные люди лежат! А она орёт на всю питерскую! Мне охрану вызвать?!

Ксюха, подлетевшая сзади, ловко отодвинула меня плечом и шлёпнула на стойку хрустящую тысячную купюру и сощурилась дабы прочитать имя неприятной тётушки.

— Тamarочка, дорогая, не злись. Подскажи, в какое отделение её повезли? Девочка с ума сходит, единственная родственница. По-человечески прошу!

Косарик подействовал на Тамару Ивановну как чудотворный бальзам. Лицо её слегка разгладилось, а пальцы забежали по клавиатуре заметно быстрее.

— В травматологию её повезли, на третий этаж. Там её сейчас хирург смотрит. Но вас туда всё равно не пустят, там операционный блок рядом

Не дослушав её, я рванула к лифту. Девчонки топали сзади, их шпильки гулко разносились по кафельному коридору, заставляя оборачиваться редких пациентов в синих больничных пижамах.

На третьем этаже, прямо у дверей с табличкой «Травматологическое отделение», на лавке сидела Нуся. Помощница моей бабушки выглядела так, будто её саму только что пропустили через бетономешалку. Её обычно аккуратные тёмно-русые волосы растрепались, по лицу размазались слёзы, а поверх серой униформы был наспех натянут белый фирмен-

ный фартук с логотипом Лазаревых - серебряным вензелем «Л».

— Сашенька! — Нуся вскочила, стоило мне вывалиться из дверей лифта, и тут же запричитала, хватая меня за руки. — Сашенька, прости меня, недосмотрела! Я ведь говорила Анне Степановне: осторожнее надо быть, там клининг только-только закончил, они этот шведский лак натёрли, как каток стал! А она говорит: «Надо проверить, Владислав Николаевич на днях возвращается, не дай бог пылинки» И как полетит О господи, этот хруст Я до сих пор его слышу, Саш! Она как закричит

— Нуся, тихо, тихо, — я сама едва держалась на ногах, чувствуя, как Нусина паника переползает на меня. — Где она сейчас? Что врачи говорят?

В этот момент лёгкая пластиковая дверь с надписью «Оперблок» со скрипом приоткрылась, и из неё вышел мужчина в зеленом хирургическом костюме. Маска у него была спущена на шею, лицо - серое от усталости, а из-под шапочки выбивались влажные от пота седые волосы. От него густо разило табачным дымом и антисептиком - видимо, только что вышел со сложной смены. Нет, он там не курил - ну, я надеюсь - просто буквально чувствовалось, что он курильщик со стажем.

— Вы к Савельевой? — хмуро спросил он, оглядывая нашу странную делегацию: зарёванную меня с шоколадным пятном на груди, Нусю в фартуке и двух девиц на шпильках.

— Я. Я её внучка, — я сделала шаг вперёд. — Что с ней? Жить будет?

Хирург тяжело вздохнул и потёр переносицу, оставляя на коже красный след от маски.

— Жить будет, куда она денется. Но досталось вашей бабушке прилично. Возраст всё-таки, кости хрупкие. Резюмирую: сложный оскольчатый перелом правой плечевой кости со смещением. Проще говоря, руку там разнесло в хлам, собирать придётся по частям, как пазл. Плюс сильное сотрясение головного мозга - головой она тоже знатно приложилась о ступени, повезло, что череп цел. Ну и на закуску - трещина в шейке бедра. Не полный перелом, слава богу, но приятно-го мало.

У меня внутри всё окончательно рухнуло куда-то в район желудка.

— И что теперь? Нужна операция?

— Обязательно, — кивнул врач. — Будем делать остеосинтез. Собирать плечо на титановые штифты и пластины. Сами понимаете, операция сложная, материалы дорогие. По квоте ждать - месяца три, а у неё времени нет, осколки могут сосуды повредить. Так что придется делать платно, если хотите, чтобы рука вообще потом шевелилась. Плюс после этого - строгий постельный режим минимум месяца три из-за бедра, и долгая, нудная реабилитация. Сиделка нужна будет круглые сутки, сами вы её не натаскаетесь.

— А сколько сколько это стоит? — тихо спросила я, чув-

ствуя, как перед глазами начинают плыть чёрные цифры, из которых теперь будет состоять вся моя жизнь.

— Это вам надо к девочкам... — Он кивнул куда-то за мою спину, и все мы оглянулись на пустой коридор.

— Простите, я не понимаю... — тупо моргнула я, вытирая пот со лба.

— Девочки-менеджеры сидят прямо по коридору и налево. Все финансовые вопросы через них, я лицо чисто техническое...

— Спасибо!

Я кивнула ему и понеслась, как ужаленная, к «этим девочкам», едва не теряя на ходу свои туфли. Девчонки и Нуся ломанулись за мной. На двери нужного кабинета красовался уже надоевший, тошнотворный пластик шоколадного цвета с золотыми буквами. Я коротко постучала. Изнутри кто-то меланхолично проблеял:

— Войдите!

И я вошла, едва не сорвав ручку.

— Здравствуйте! Я...

Не успела я договорить и выдать хоть одну членораздельную фразу, как меня аккуратно, но танкоподобно потеснил в сторону тот же хирург - зашёл следом, шурша своими кроксами. Он быстро, на непонятном медицинском птичьем языке перечислил им предстоящее лечение моей бабули, похлопал карманы в поисках зажигалки и сигарет, и так же стремительно испарился, оставив меня один на один с коммер-

ческим отделом ЦРБ.

Меня заставили присесть возле милой, ухоженной и сочувствующей моему горю брюнетки, от которой пахло приятным парфюмом и кофейным автоматом. На её бейджике было написано «Марина», и при этом она постоянно называла меня зайчиком. Ну, есть такая категория милых-ласковых людей. Спасибо ей за это... Девушка рассчитала мне всё буквально за пять минут, резво стуча длинными ногтями по клавиатуре.

— Зайчик, вот смотри! — Она с сострадательной улыбкой распечатала тёплый, пахнущий тонером лист А4 с аккуратной табличкой, где в одной колонке была прописана «услуга», то есть лечение моей единственной родственницы, а в соседней колонке - её сухая, железобетонная цена.

Я заглянула в листок. Триста пятьдесят тысяч рублей. Чистыми. И это только за саму операцию и штифты. Без учёта сиделки, лекарств, реабилитации и еды.

Надо ли говорить, сколько усилий мне стоило не разреваться прямо на этот грёбанный лист А4? Я настолько сникла, сжалась и раздавилась под этим весом, что это заметили все окружающие в кабинете. Марина сочувственно вздохнула, Ксюха сзади тихо выматерилась под нос.

Я ненавижу это. Ненавижу эти взгляды, в которых жалость смешана с брезгливостью. Ненавижу это сосущее, парализующее чувство полной, абсолютной беспомощности. Я нищая. У меня ни гроша за душой, за душой у меня только

обосранная дешманским эклером блузка да порванные колготки. Это видят все. Понимают все. Менеджер Марина понимает, что я не вытащу из кармана пачку пятитысячных.

Но ладно, хрен бы с этим, с моим уязвленным эго... Но как же мне помочь бабуле? Где, вашу мать, студентке найти столько денег до завтрашнего утра?!

В палату к бабушке меня пустили всего на две минуты. Ба лежала на высокой больничной койке под капельницей. Она казалась такой маленькой, почти невесомой под толстым больничным одеялом. Лицо - белое, как мел, губы потрескались. Правая рука и плечо были туго забинтованы и зафиксированы на специальной подушке.

Я опустила на стул рядом, осторожно взяла её левую холодную руку.

— Бабуль я тут. Всё хорошо, слышишь? Экзамен сдала, четыре получила. Всё нормально...

Бабушка медленно открыла глаза. В них плескалась мутная пелена от обезболивающих. Она попыталась шевельнуться, но тут же слабо застонала от боли.

— Саше — прошептала она, и её голос был похож на шелест сухой травы. — Саш Лазаревы Владислав Николаевич скоро прилетает Из Ниццы. Там дом там некому следить. Екатерин Михална одна не справится Саш, если там будет непорядок, меня уволят. Столько лет работы всё под откос. Нас вышвырнут, Сашенька Что делать-то?

— Ба, не думай об этом, слышишь? — слёзы снова обо-

жгли мне глаза, и я судорожно сглотнула горький ком. — Капец, нашла о чём думать! Да это они должны сюда на крыльях совести прилететь и переживать за тебя! А не ты за них!

Бабуля что-то бубнила и бубнила, но я не могла и слова разобрать... Вот же чудная женщина! Она на их смертоубийственной лестнице переломалась вся! Так ещё и переживает, кто будет им سراки подтирать вместо неё! Ужас!

Из больницы я само собой уходить не хотела! И меня можно сказать выпроводили. Дело было уже вечернее, и девчонки тоже заметно устали, но оставлять меня одну упрямо не желали.

— Савельева, даже не вякай, — отрезала Ксюха, когда мы вышли из метро. — Ты сейчас в таком неадеквате, что или в окно выйдешь, или пойдёшь почки продавать за эти триста пятьдесят штук. Мы ночуем у тебя. Точка. А теперь - шагом марш в магазин, нам нужен антидепрессант. Много антидепрессанта!

Глава 3: Ревность, Ксюхин стриптиз и эвакуация Олеси.

Наш местный продмаг «Семёрочка» встретил нас привычным ароматом лука, со скидкой выставленного у входа, и унылым писком кассовых аппаратов. Я шла между рядами как зомби, на автопилоте переставляя ноги. В голове без остановки крутился финансовый калькулятор и тревога за состояние бабушки. Так, стипендия повышенная и надбавка за сироту - десять тысяч. Моя заначка на санаторий - ещё тридцать. Если продать мой старый ноутбук, на котором я делаю проекты ну, ещё двадцать, если повезёт? Итого - шестьдесят. Где взять ещё триста? В кредит? Студентке третьего курса дневного отделения без официальной работы ни один банк не даст даже на покупку б/у пылесоса, не то что на титановые штифты. Капкан. Полный, глухой капкан.

Я свернула в отдел алкоголя, где Ксюха с Олесей уже увлечённо изучали полки со слабоалкогольными шипучками. Мысли путались, перед глазами всё плыло. Я увидела знакомую бутылку и ломанулась к ней, не глядя, и в этот момент на полной скорости, со всего размаху врезалась в из ниоткуда появившегося парня.

— Ой! — вскрикнула я, отлетая назад и едва не снося стеллаж с чипсами.

Бутылка выскочила из моих пальцев, но его большая, чертовски быстрая рука перехватила её прямо в воздухе, у самого пола.

— Опа! Осторожнее, девушка, — раздался сверху приятный, бархатистый мужской голос с лёгкой хрипотцой.

Я подняла глаза и зависла. На секунду мой финансовый калькулятор в башке даже заклинило. Передо мной стоял парень. Высокий - мне со своими метр шестьдесят пришлось задрать голову, лет двадцати пяти вроде? Он был в тёмно-сером спортивном костюме известного бренда, который сидел на нём так, словно его шили на заказ в лучшем ателье. Под плотной, качественной тканью олимпийки угадывалось офигенно накачанное, литое тело - широкие плечи, мощная грудь, кубики пресса, которые проступали даже сквозь трикотаж. Настоящий породистый качок, причём из тех, кто не просто жрёт протеин вёдрами, а реально живёт в спортзале. Лицо симпатичное, с лёгкой трехдневной щетиной, чётко очерченными скулами и карими, очень внимательными глазами. Абсолютно мой вкус. И стопроцентное попадание в категорию «парни, которые никогда на меня не посмотрят».

Он протянул мне спасённую бутылку, и наши пальцы на секунду соприкоснулись. Рука у него была горячая, огромная, с жёсткими мозолями от штанги.

— Держите, — он улыбнулся, показывая ровные белые зубы. Но тут же его улыбка погасла, а брови сошлись на переносице. Он разглядел мою зарёванную рожу, потёкшую тушь,

шоколадное пятно на груди и порванные в хлам колготки. — Ого Девушка, у вас всё в порядке? Вас кто-то обидел? Может, помощь нужна? На дворе вечер, давайте я вас провожу, или ну не знаю, разберусь с кем надо?

Он сказал это так искренне, с такой чисто мужской, защищающей интонацией, что у меня внутри на секунду сработал привычный закомплексованный триггер. Ага, сейчас. Прекрасный принц на спорте спасает чучело из хрущёвки.

— Нет! Нет, всё нормально, спасибо! — пискнула я, отшатнулась и буквально трусливо сбежала в глубь торгового зала, пряча лицо за волосами.

— Сашка, ты куда рванула? — Олеся перехватила меня у кассы, удерживая в руках две бутылки какого-то дикого перламутрового пойла. — Смотри, что я нашла! Дынное и арбузное шампанское с шиммером! Блёстки внутри, прикинь?

— Да хоть с чили-перцем, Лесь, мне фиолетово, — буркнула я, выкладывая на ленту свои покупки. На парня у витрины я больше не оглядывалась, хотя затылком чувствовала его удивлённый взгляд.

Через час в нашей маленькой кухоньке творился самый настоящий вертеп. Мы решили набубениться так, чтобы стереть этот день из памяти напрочь. Это был дикий, ядерный коктейль из безумного облегчения после сданной сессии и чёрного стресса из-за бабули. Коктейль, который бил по мозгам не хуже кувалды.

Мы пили блестящее шампанское прямо из стаканов. Оно

было приторно-сладким, пахло жвачкой, зато как красиво искрились звёздочки в нём. Шиммер, блин. Красиво жить не запретишь.

К одиннадцати вечера Ксюху понесло на откровения. Она сидела на кухонном табурете, закинув ноги на соседний стул, и размахивала полупустой бутылкой.

— Савельева, ты ты сильная, поняла? Ты ЛИВИЦА! Ты БОГИНЯ! Мы женщины - значит, мы богини! Весь мир - у наших копыт! Йик! Ты прорвёшься. Мы все прорвёмся. Триста пятьдесят штук - эт вообще не деньги. Да это... Это это ж три майфона! Ну, четыре. Или скока? Мы что, на четыре майфона не заработаем? Да я я свою почку нет, почку жалко, я волосы продам! У меня длинные, натуральные, за них знатно дадут! И у папы попрошу! Пусть даёт деньги, раз бросил в детстве! Он правда каждую неделю на карманные мне перечисляет... Но я скажу, шо надо больше!

Олеся к этому моменту уже слабо реагировала на внешние раздражители. Она сидела на полу, прислонившись спиной к холодильнику, который выл как раненый бизон, и пыталась нарисовать на стене пальцем сердечко, используя в качестве краски пролитое шампанское с блёстками.

Около часу ночи кутёж достиг своего апогея. Олеся, издав глухой стон, окончательно капитулировала. Она выползла в комнату и отрубилась там «звездой» прямо на паласе, не дойдя до дивана, раскинув руки и ноги в разные стороны и тихонько посапывая носом. Мы с Ксюхой только перегля-

нулись и допили остатки арбузно-дынного сиропа. Пожалуй, две бутылки шампанского для трёх хрупких девушек - это перебор... Но у нас ещё было шесть банок мохито и маргариты. В голове уже стоял туман, мир слегка покачивался, как палуба корабля во время лёгкого шторма. Мне было так хреново и одновременно так пофиг на всё, что я даже перестала думать о деньгах. Ксюха потащила меня танцевать. Мы сделали музыку на моём смартфоне погромче и начали твёркать ей в такт и угорать вокруг спящей Олеськи. Но вдруг раздался резкий, дребезжащий звонок в дверь. Я вздрогнула. Ксюха тоже замерла, уставившись на дверь круглыми, хмельными глазами.

— Эт это кто? — пробормотала она, пытаясь сфокусировать взгляд на дверном проёме.

— Ща узнаем — Ноги слушались плохо, их слегка заносило вправо.

Надо сказать, что к этому моменту от моего дневного парадного наряда не осталось ничего. Блузку с шоколадным пятном я содрала с себя еще два часа назад и закинула в стирку, капронки улетели в помойку. Сейчас на мне были только чёрные трусики и тонкая, застиранная белая футболка. Футболка была старая, ткань от частых стирок стала почти прозрачной, а из-за прохладного сквозняка, который вечно тянул из-пол балконной двери мои соски очень отчётливо выпирали сквозь белый хлопок, заявляя о своём существовании во весь голос. Но мне в моём промежуточном со-

стоянии алкогольного анабиоза было абсолютно плевать как я выгляжу в данную секунду. А девчонок я не стеснялась. Чего они там не видели?

Я подошла к двери, щёлкнула замком и рванула деревянную створку на себя.

На пороге, под тусклым светом мигающей подъездной лампочки, стоял тот самый парень из «Сёмерочки». Высокий, накачанный, всё в той же серой олимпийке. У меня перед глазами всё плыло. Пространство выдавало такую дикую картинку, что я то судорожно щурила глаза, как кошка на ярком солнце, в отчаянной попытке разглядеть этого ночного пришельца, то раскрывала их как ненормальная, едва не выкатывая глазные яблоки на порог. Прикиньте зрелище...

Парень явно не ожидал увидеть то, что увидел. Его взгляд мгновенно упал с моего зарёванного лица вниз - туда, где под тонкой майкой без лифчика во всей красе рельефно проступали мои «аппетитки». Он на секунду завис, его карие глаза потемнели, а на губах медленно расплылась широкая, откровенно удивлённая и довольная улыбка.

— Оу — протянул он, сглотнув слюну. — Привет ещё раз. А я это ты на кассе кошелёк оставила. Я посмотрел - там студенческий на имя Александры Савельевой. А у меня друг в этом доме живёт, мы с ним вместе в магазине были... В общем, вот. Возвращаю.

Я стояла, тупо хлопая ресницами и пытаюсь переварить информацию. Кошелёк. Студенческий. Парень. Друг. В баш-

ке всё замкнуло.

И тут из-за моей спины, покачиваясь и держась за стену, выползла Ксюха. Она была бухая в зюю, тушь на её глазах размазалась еще живописнее, чем у меня, но стоило ей бросить взгляд на парня, как её лицо озарила вспышка безумного узнавания.

— Твою ж мать! Ромка?! — завопила она на весь подъезд, едва не падая на меня. — Ромка Ковалёв! Ты откуда тут взялся?! Сашка, это ж Ромка! Мы с ним в одной школе учились, он тогда был дрыщом ушастым, а щас смотри - ряху отъел, плечи во! Ромка-а-а!

Рома удивлённо вытаращился на Ксюху.

— Ксюша? Петрова? Ни фига себе встреча

— Какая встреча, какая встреча! — Ксюха уже ухватила его за рукав олимпийки и с силой потащила внутрь квартиры, наплевав на то, что парень вообще-то просто занёс вещь и даже не спрашивая разрешения у меня. — Заходи быстро! Мы тут сессию сдали! И у Сашки короче, заходи, пить будешь! У нас дынное с блёстками! Заходи, я сказала, не обижай девчонок!

Рома вяло пытался сопротивляться, что-то бормотал про то, что ему завтра на тренировку с утра, что машина внизу заведена, но куда там. Против двух пьяных студенток архитектурного, одна из которых тянет тебя за руку, а вторая стоит перед тобой в одних трусах и просвечивающей майке, не устоит ни один мастер спорта. Она буквально затащила его в

коридор, ногой захлопнула дверь, и Рома оказался в ловушке нашей советской малогабаритки.

Через пятнадцать минут обстановка накалилась до предела. Мы сидели всё на той же кухне. Рома, который поначалу чувствовал себя скованно на маленьком табурете, под напором Ксюхи быстро сдался. Мы налили ему полный гранёный стакан маргариты, он крикнул, выпил его залпом, как водку, и заметно расслабился. Олимпийку он снял, оставшись в обтягивающей черной футболке, под которой его бицепсы перекатывались как два спелых арбуза.

Ксюха моментально пошла в атаку. Алкоголь полностью отключил у неё все комплексы и стыд. Она пересела со своего стула прямо к нему на колени - уселась своими бёдрами на его крепкие, раскочаные квадрицепсы, обняла его за шею и начала что-то жарко шептать ему прямо в ухо, то и дело задевая губами его мочку.

Рома сидел, тяжело дыша. Его руки с широкими венами как-то сами собой легли на Ксюхину талию, пальцы уверенно сжали её кожу. Я сидела напротив и наблюдала за этой сценой, чувствуя, как внутри, где-то под ложечкой, начинает разгораться странный, злой и совершенно неуместный сейчас укол ревности. Какого чёрта? Парень мне понравился ещё в магазине, он кошелёк мой принёс, он со мной заговорил. А Ксюха просто взяла и забрала его, как очередную шмотку на распродаже...

Вдруг Ксюха замолчала, притянула его лицо к себе, и они

страстно поцеловались прямо у меня на глазах. Рома отвечал ей бурно, его ладонь скользнула ниже, на её задницу, но в самый разгар этого поцелуя его глаза неожиданно открылись.

Он посмотрел прямо на меня через стол. Строго, в упор. В его взгляде горел чистый, голодный, животный интерес. Он жадно, не отрываясь, следил за моим скучившимся лицом, а потом его взгляд снова медленно опустил к моей груди. Тонкая майка от моих тяжёлых вздохов натягивалась, пухлые округлости вздымались, и Рома буквально залип на эту картину, продолжая механически целовать Ксюху. Он хотел меня. Этот качок разрывался между доступной Ксюхой, которая уже всю ёрзала на его коленях, и мной - зарёванной, злой и полуголой хозяйкой квартиры. Но в итоге животные инстинкты и выпитый алкоголь победили: Ксюха была ближе и активнее.

— Так, народ — подала я голос, чувствуя, что меня сейчас стошнит то ли от ревности, то ли от дынного шиммера. — Вы как хотите, а я спать. Шоу-программу объявляю закрытой.

Ксюха меня даже не услышала. Она уже начала дрожащими пальцами расстегивать лифчик. Ткань разошлась, и её абсолютно голая, аккуратная грудь со светлыми сосками показалась на свет. Рома издал какой-то глухой рык и тут же припал к ней губами, начиная жадно осыпать поцелуями Ксюхину кожу, спускаясь всё ниже к животу.

Вывалившись в комнату, я наткнулась на Олесю. Рыжая бестия всё так же спала звездой прямо на проходе, сладко

посапывая. Оставлять её тут было нельзя - Рома с Ксюхой в пылу страсти могли просто растоптать её по дороге на кровать.

Я наклонилась, ухватила Олеську за обе щиколотки и, как тяжёлый мешок с картошкой, потащила её по линолеуму в сторону своей спальни. Олеся только что-то невнятно пробормотала во сне и перевернулась на бок, когда я затащила её на ковер. Затем я кое-как затащила её тушу на кровать и перекатила к стенке.

Я захлопнула дверь спальни, отрезая нас от второй комнаты, рухнула на кровать и уставилась в тёмный потолок.

Но поспать мне не удалось. Наша хрущёвка, как я уже говорила, обладала феноменальной звукоизоляцией. Точнее, её полным отсутствием. Стены были толщиной с лист картона. Поэтому следующие три часа я провела в самом настоящем аудио-аду.

Сначала с кухни доносился глухой стук отодвигаемых табуреток, шлепки, тихий Ксюхин смех и тяжёлое, прерывистое дыхание Ромы. Потом они, судя по звукам, переместились в большую комнату на диван. И вот тут началось то, от чего мне хотелось оглохнуть. Ксюха стонала. Громко, самозабвенно, на все лады, переходя от тонкого писка к какому-то горловому хрипу. Старый диван Лазаревых тьфу ты, наш старый диван «книжка» (который нам отдали Лазаревы) ритмично, со скрипом бился о стену в такт их движениям. *Скрип-скрип-скрип. О-о-о, Рома-а-а! Да-а-а! Скрип-*

скрип. Этот процесс казался бесконечным. Качок оправдывал свою спортивную форму на все сто процентов - судя по звукам, он вколачивал мою подругу в матрас с усердием отбойного молотка, и этот марафон продолжался почти до самого рассвета. Я ворочалась с боку на бок, кусала губы от злости, ревности и дикой, удушающей зависти. У всех жизнь бьёт ключом - у кого-то секс с качками, а у меня бедная бабуля и долг в триста пятьдесят тысяч. Полный комплект триумфатора.

Утро встретило меня в шесть часов. Солнце уже всюду лупило сквозь стекло, превращая комнату в парилку.

Я попыталась поднять голову, но внутри черепной коробки словно взорвалась маленькая ручная граната. Мозг увеличился в размерах раза в три и теперь больно бился о стенки черепа при каждом движении. Во рту было такое ощущение, будто там переночевал табор цыган вместе со своими лошадьми.

Рядом на кровати застонала Олеся. Она села, схватившись за свои рыжие кудри, и её глаза были похожи на два красных уголька.

— Саш убей меня. Пожалуйста. Закопай меня Мне плохо.

— Держаться! — Застонала я. — Я сказала держаться!

Меня саму накрыло секунд через пять. К горлу резко, неодолимо подкатила густая, кислая тошнота. Я едва успела сорваться с кровати, путаясь в простынях, рванула дверь спальни и полетела в туалет.

Следующие десять минут прошли в тесном, интимном общении с белым фаянсовым другом. Меня выворачивало наизнанку. И знаете, что было самым мерзким? Этот проклятый дынно-арбузный сироп выходил обратно во всей своей красе. Мои раковина и унитаз теперь выглядели так, будто там совершил акту самосожжения сказочный единорог - всё было покрыто густой голубой пеной и блёстками. Перламутровый шиммер весело переливался в лучах лампы, осев на стенках глянцевої корочкой.

— Твою мать — прохрипела я, смывая воду в третий раз и вытирая рот тыльной стороной ладони. — Клянусь. Клянусь: я больше никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах не буду пить это грёбаное шампанское. Никогда.

Из большой комнаты, почёсывая волосатый пресс, вывалился заспанный Рома. На нём были только его боксеры, а Ксюха вяло махала мне рукой из-под одеяла на диване. Выглядели они оба помятыми, но вполне довольными жизнью. На блёстки в унитазе Рома посмотрел с лёгким опасением (ну блин - не отмылись они! надо ядрён-батонить химией толчок!), но комментировать не стал.

Я мимо него неловко пробежала на кухню, включила ледяную воду и начала жадно пить прямо из-под крана, пытаюсь смыть этот приторный дынный вкус. Кожа на лице горела, под глазами залегли темные круги - краше в гроб кладут, честное слово.

И в этот самый момент, когда я стояла, согнувшись над

раковиной, а с моих волос стекали ледяные капли, в кармане моих брошенных на стуле шорт глухо и требовательно зажуужал телефон.

Я на автопилоте вытащила смартфон. На экране высветился строгий, короткий городской номер. Но не больничный. Этот номер я знала наизусть, он был записан в бабушкином блокноте на первой странице.

Офис Владислава Николаевича Лазарева.

Внутри меня всё мгновенно сжалось, остатки хмельной дури вылетели из головы за долю секунды, уступив место трезвой реальности. Я нажала на кнопку приёма и поднесла трубку к уху.

— Алло?

— Александра? Доброе утро, — в динамике раздался сухой голос Аркадия Валерьевича, бессменного управляющего делами и личного помощника Лазарева-старшего. — Я звоню по поручению Владислава Николаевича. Нам известно о неприятном инциденте с Анной Степановной. Владислав Николаевич искренне соболезнует и желает ей скорейшего выздоровления.

— Спасибо — выдавила я, чувствуя, как затылок снова начинает неметь от предчувствия удара.

— Но, Александра, вы должны понимать ситуацию, — продолжил Аркадий Валерьевич, и в его голосе проступили жёсткие, металлические ноты. — Владислав Николаевич с семьёй прилетает из Ниццы 24 июня утром. На этой неделе

в особняке запланировано три крупных мероприятия, включая приём для инвесторов и хороших друзей семьи Лазаревых. Дом должен быть в идеальном, подчёркиваю - безупречном состоянии. Система «умный дом» требует постоянной калибровки, персонал кухни и клининга нужно координировать ежеминутно. Анна Степановна была ключевым звеном этого процесса. У нас нет времени ждать её реабилитации. Форс-мажор - это прискорбно, но бизнес Лазаревых не может останавливаться из-за скользкого пола.

— Вы чо охренели? — у меня внутри всё задрожало от подступающей ярости. — Вышвырнуть её на улицу, пока она на операционном столе лежит?! Она у вас двадцать пять лет отпахала!

На том конце провода воцарилась короткая, презрительная пауза. Аркадий Валерьевич явно не привык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне.

— Александра, давайте без эмоций. Владислав Николаевич - человек практичный. И, кстати, он хочет вас поддержать. И здесь всё зависит от вас уже... У нас есть два варианта решения этой проблемы. Вариант первый: мы сегодня же заключаем договор с крупным клининговым и управленческим агентством. Они присылают своего менеджера и команду. В этом случае контракт с Анной Степановной аннулируется в связи с невозможностью выполнения обязанностей. Разумеется, мы выплатим и выходное пособие и, разумеется, премию... Но... Сами понимаете. Для вашей бабуш-

ки служить Лазаревым было призванием...

Я сжала телефон так, что пластиковый чехол жалобно хрустнул. Вы только вдумайтесь в эти слова... "Служить Лазаревым - это призвание..." Они даже не предложили оплатить лечение человеку, который четверть века на них угробил. Да что с этим миром не так?! Призвание - служить свинопам!

— Второй вариант предложила Нуся... Она утверждает, что вы, Александра, прекрасно знаете внутреннюю архитектуру дома, протоколы управления системой и все требования Владислава Николаевича. Вы бывали у нас ранее, вы помогали бабушке. Условия Лазарева таковы: 24 числа в семь ноль-ноль вы выходите на замену Анны Степановны в качестве исполняющей обязанности экономки. На тех же условиях. Если всё пройдёт хорошо, то мы полностью возьмём расходы за операцию и по уходу за вашей бабушкой до её восстановления на себя.

Я не поверила то, что услышала. Сначала меня ударились лицом о стену, а теперь... Это же шанс спасти её здоровье, спасти её место, не дать этим зажавшимся тварям выкинуть старого, преданного человека на помойку как отработанный материал.

Но цена Цена этой сделки была для меня почти невыносимой. Стать прислугой. Надеть фартук. Ходить по струнке перед Лазаревым-старшим, терпеть капризы его светской сучки-жены и Игоря. Его сына, с которым мы в детстве дра-

лись до крови за право залезть на старую яблоню у забора, пока нас не развели по разным углам социальной иерархии. Теперь он - золотой мальчик, наследник империи, а я - девка, которая будет следить, чтобы его рубашки были идеально отутюжены, а лимонад подан вовремя и со льдом.

— Александра, я жду ответа, — сухо напомнил Аркадий Валерьевич. — Агентство ждёт моего звонка. У вас тридцать секунд.

Я перевела взгляд на зеркальное стекло микроволновки прямо напротив моих глаз. На меня смотрело чучело с бледным лицом, размазанными глазами и растрёпанными волосами. Из большой комнаты доносился довольный смех Ксюхи и басистый голос Ромы. А в Одинцовской больнице лежала моя маленькая, хрупкая бабуля...

Выбора не было. Его никогда у меня не было, если честно.

— Я согласна, — тихо, но твёрдо сказала я, чувствуя, как внутри меня умирает последняя капля студенческой свободы. — Послезавтра в семь утра я буду в особняке.

— Вот и отлично. Форму и пропуск вам передаст Нуся. Не опаздывайте, Александра. Всего доброго.

В трубке раздались короткие, частые гудки.

Завтра начнется мой личный ад. И в этот раз в нём не будет эклеров и слюнявых профессоров. Только чужие капризы и ненависть, которую я привезу с собой в этот рублёвский улей. Держись, Савельева. Посмотрим, кто кого в итоге шреднёт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.